

И. П. СУСОВ

К ОЦЕНКЕ КОНВЕНЦИОНАЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РЕАЛЬНОСТИ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Современное языкознание еще не располагает единой и целостной научной картиной языковой действительности, в которую органически вписывалась бы теория языковых единиц, удовлетворительно объясняющая их природу и сущность.

Построение такой теории может даже показаться ненужным в свете того, что многие лингвисты склонны подвергать сомнению или даже отрицать объективную реальность единиц языка. Так, А. А. Леонтьев пишет: «Очевидно, что, признавая за системой тот или иной модус существования, утверждая ее бытие в той или иной конкретной форме, мы совершенно не обязательно должны переносить то же утверждение и на единицы... Вообще проблема единиц является вторичной по отношению к проблеме системы языка: система языка объективна, она существует и до лингвиста и независимо от него; номенклатура же системы, совокупность единиц, хотя бы соответствующим образом организованных, есть построение лингвиста. Система языка обусловлена предметом исследования, единицы в громадной степени зависят от метода исследования, хотя, конечно, не определяются только им»¹.

Любопытно, что Ф. де Соссюр, который по существу первым в мировой лингвистике дал развернутое изложение проблемы языковых единиц, посвятив ей всю вторую часть (под названием «Синхроническая лингвистика») своего «Курса общей лингвистики», был далек от таких сомнений, хотя и отдавал себе отчет в необычайной сложности проблемы. По его словам, «язык является системой, исключительно основанной на противопоставлении его конкретных единиц. Нельзя ни отказаться от их обнаружения, ни сделать ни одного шага, не прибегая к ним, а вместе с тем их выделение сопряжено с такими трудностями, что возникает вопрос, существуют ли они реально. Странным и поразительным свойством языка является, таким образом, то, что в нем неданы различимые на первый взгляд сущности (факты), в наличии которых между тем усомниться нельзя, так как именно их взаимодействие и образует язык»².

Утверждение или отрицание объективной реальности языковых единиц связано определенным образом с той или иной философской концепцией, хотя такая связь и не всегда очевидна. Разумеется, нельзя механически сводить специальные методы конкретных наук к общим философским принципам, отождествлять философское видение мира и конкретное содержание той или иной лингвистической теории. Но вместе с тем не стоит закрывать глаза на явные совпадения идей и принципов, на общность хода рассуждений, на прямые заимствования из философских работ.

¹ А. А. Леонтьев, Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности, М., 1965, стр. 36—37.

² Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 108—109.

Это и понятно. Любое направление языкознания, как о том свидетельствует его история, формируется в конкретных исторических условиях, вырастая не только из потребностей решения задач, которые выдвигаются логикой развития самой науки, но и из общенаучных взглядов и устремлений, находящихся свое наиболее конденсированное выражение как раз в философии. Каждое лингвистическое направление связано не только с тем, что оно наследует в самом языкознании, но и с родственными по духу направлениями в смежных науках. Лингвистика сама по себе, вне контекста общенаучных тенденций и междисциплинарных связей, невозможна. Эти связи объясняются наличием определенных общих законов бытия и развития всех сторон материальной действительности, единством объективного мира³ при всем его разнообразии.

Не надо забывать и о том, что идеи и принципы, получившие развитие в языкознании, могут в свою очередь оказывать влияние на общенаучные тенденции своего времени. Так, например, обстоит дело с распространением сравнительно-исторического и структуралистского принципов за пределы языкознания⁴. При рассмотрении любой лингвистической проблемы следует поэтому учитывать и ее возможные философские выходы.

Однако при этом достаточно четко должны разграничиваться собственно лингвистический (т. е. конкретно-научный, онтологический) и философский (т. е. по преимуществу теоретико-познавательный и общеметодологический) аспекты рассматриваемой проблемы. Такая двуплановость должна иметь место, в частности, и при анализе проблемы реальности языковых единиц. При философском подходе к этой проблеме в центре внимания оказывается вопрос о действительном содержании понятия «языковая единица», о его отношении к объективной языковой действительности. Исследователя интересует в этом случае, существует ли объективно то явление, которое мы именуем единицей языка, или же эта единица конструируется логически, представляет собой символ, интерпретация которого целиком определяется принятой в данном научном коллективе теоретической системой, «конвенцией». Этим, в основном, и исчерпывается философский подход.

Вопрос о том, какова конкретная природа языковой единицы (разумеется, при условии, что на вопрос о ее объективном существовании уже дан положительный ответ⁵), принадлежит онтологической (конкретно-научной) плоскости анализа. В этом случае ставится цель выяснить, в какой конкретной материальной форме существуют языковые единицы, являются ли этой формой звуковые колебания, движения произносительных органов или некие нейрофизиологические процессы в коре головного мозга⁶,

³ На использование сравнительно-исторического и структуралистского принципов не только в лингвистике, но и в других науках указывает, в частности, В. А. Звегинцев, считая, правда, что первый принцип заимствован языкознанием извне. См.: В. А. Звегинцев, *Очерки по общему языкознанию*, [М.], 1962, стр. 91 и сл. См. также: А. С. Мельничук, *Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма*, ВЯ, 1970, 1, стр. 22.

⁴ Тем самым философская, общеметодологическая постановка проблемы необходимо предшествует онтологическому анализу. Но из этого отнюдь не следует, что первый аспект вообще не принадлежит к компетенции лингвиста, как это можно было бы понять из соответствующих утверждений некоторых философов (см.: В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, *Курс исторического материализма*, М., 1969, стр. 6, 14).

⁵ Нейрофизиологической концепции природы реальности языковых единиц придерживается, между прочим, В. М. Павлов. См. написанную им гл. 2 «Языковая способность человека как объект лингвистической науки» в кн.: «Теория речевой деятельности (Проблемы психолингвистики)», М., 1968. Более широкой трактовки природы существования языка придерживается В. Я. Мяркин. Бытие языка в физиологической форме он рассматривает только как потенциальное, противопоставляя его реальному существованию языка в речи (см. его статью «Различные толкования соотношения: язык — речь», *Ин. яз. в шк.*, 1970, 1).

каков набор этих единиц и система взаимосвязей между ними в данном языке и т. п. Как ни важен этот аспект для решения проблемы реальности языковых единиц, ключевым является все-таки первый аспект. От того, как будет решен вопрос об объективном существовании языковых единиц, зависит направление последующих научных поисков.

Как известно, в современном теоретическом языкознании интерес к вопросу о конкретной онтологической природе языка и его единиц сравнительно невысок. Это объясняется не только тем, что соответствующие исследования уводят далеко в сферу психологии, физиологии и т. п., но и главным образом тем, что сейчас в работах ряда видных лингвистов явно или неявно проводится конвенционалистская концепция реальности языковых единиц.

Принцип конвенционализма заключается в признании того, что понятия и теории, которыми мы пользуемся, должны удовлетворять лишь принятому нами соглашению (конвенции) о какой-то системе и не противоречить ей. Вопрос же о действительном содержании этих понятий и теорий, о их соответствии тем явлениям, которые они призваны отражать, объявляется псевдопроблемой. Единицы языка оказываются тем самым только научными фикциями, логическими конструктами, элементами теоретических моделей, а лингвистика превращается в эквилибристику ума⁶.

Трудно сказать, когда впервые конвенционалистские идеи стали проникать в языкознание. Можно лишь сказать, что одним из первых представителей этого принципа был Ф. Боас, поставивший под сомнение объективное существование слова как естественной единицы (natural unit) языка⁷. Большую роль в утверждении конвенционалистского подхода сыграли идеи В. Ф. Тводелла, рассматривавшего фонему как научную фикцию⁸. Конвенционализм в сильной степени характеризует взгляды ведущего представителя «эквилибристической лингвистики» З. С. Харриса, который и говорит соответственно не о языковых, а о лингвистических единицах, понимая последние как «чисто логические символы, с которыми можно производить различные операции математической логики»⁹. На конвенционалистском подходе со всей категоричностью настаивает М. Бирвиш: «Морфема должна пониматься как единица теории языка и определяться в ее рамках»¹⁰. По его мнению, и такие понятия физики, как электрон и мезон, не могут быть определены вне рамок физической теории. Иными словами, он оспаривает наличие прямой корреляции понятия и его коррелята в действительности. Аналогия с физикой используется и в «Тезисах о теоретических основах научной грамматики», явившихся своеобразным манифестом берлинской группы структурной грамматики: «Подобно тому как понятие „нейтрон“ есть единица физической теории и вне ее лишено какого бы то ни было смысла и не может быть отнесено к данным наблюдения, так и понятие „падеж“ является только единицей теории и вне

⁶ См. характеристику «эквилибристической лингвистики» в статье: П. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Кубрякова, Американский структурализм, сб. «Основные направления структурализма», М., 1964, стр. 203.

⁷ F. Boas, Handbook of American Indian languages, I, Washington, 1911, стр. 24 и сл.

⁸ W. F. Twaddell, On defining the phoneme, «Language monographs», XVI, Baltimore. Позиция В. Тводелла нашла поддержку у ряда лингвистов. См.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 50 и сл.; С. К. Шаумян, Проблемы теоретической фонологии, М., 1962, стр. 55 и сл.

⁹ Цит. по кн.: В. А. Звегинцев, История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, М., 1965, стр. 221.

¹⁰ M. Bierwisch, Über den theoretischen Status des Morphems, «Studia grammatica», I, Berlin, 1966, стр. 52.

этой теории не имеет отношения к данным наблюдения»¹¹. Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что конвенционалистская концепция, в соответствии с которой единицы языка признаются лишь элементами научной теории, логическими конструктами, получает все более широкое распространение.

В чем же причины этого явления?

В первую очередь здесь сказалось воздействие общенаучных и философских веяний времени. Известно, что возникновение конвенционалистского принципа имело своей конкретно-научной основой положение дел в физике, которая еще на пороге XX в. подошла к изучению микрочастиц, не поддающихся непосредственному наблюдению, и обратилась за помощью к математике, предоставившей в ее распоряжение свой аппарат, где место материальных микрочастиц заняли символы. Успехи математического моделирования поведения микрочастиц, вполне объяснимые в свете современных представлений о моделировании и его возможностях¹², побудили некоторых теоретиков к тому, что они заявили об «исчезновении материи» и о возможности обойтись только научными фикциями, лишенными реального содержания. Сокрушительную критику этого подхода дал уже В. И. Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм». Да и позднейшее развитие физики либо подводило объективную основу под гипотетические конструкты, либо побуждало к отказу от понятий, лишенных реального содержания, и к поиску новых объяснений. Эмпирическая данность физического материала, успехи экспериментальных исследований, принципиальная возможность опытной проверки самых сумасбродных идей (пусть и в далеком будущем) поневоле ограничивают базу для конвенционализма в физике.

Но конвенционализм упрочился зато в философии неопозитивизма, сумевшей использовать кризис в физике, и через нее оказал значительное влияние на языкознание, тем более, что в этой философской системе конвенционалистский принцип связывается, как правило, с логическим анализом языка, представленным в форме логического синтаксиса и логической семантики¹³. Для конвенционалиста-философа понятие существования оказывается тождественным понятию выводимости, т. е. выход за пределы теории объявляется ненужным, необязательным. Решающее значение придается не адекватности понятия и действительности, а его согласованности с другими понятиями в рамках данной теоретической системы. Вопрос о реальном содержании научного понятия объявляется лишенным смысла. Поскольку научная теория считается способом систематизации неупорядоченного, хаотичного опыта, то выбор ее становится делом вкуса или, в лучшем случае, определяется принадлежностью исследователя к той или иной научной школе.

Одним из путей внедрения конвенционализма в языкознание оказалось использование математических методов в исследовании языка. Р. П. Мельников верно указывает, что «лингвисты, понявшие полезность использования точных методов в языкознании и освоившие необходимый логико-математический аппарат для описания дискретных отношений в структуре

¹¹ «Thesen über die theoretischen Grundlagen einer wissenschaftlichen Grammatik», там же, стр. 10.

¹² См.: В. А. Штоф, Моделирование и философия, М., 1967.

¹³ См.: R. Carnap, Logische Syntax der Sprache, Wien, 1934; Р. Карнап, Значение и необходимость, М., 1959; K. Ajdukiewicz, Sprache und Sinn, «Erkenntnis», Hf. 2, 1934. См. критические замечания о логическом анализе языка в работах: «Логика научного исследования», М., 1965; А. Штоф, Введение в семантику, М., 1963; E. Albrecht, Sprache und Erkenntnis, Berlin, 1967. См. также: В. А. Звегинцев, Неопозитивизм и новейшие лингвистические направления, ВФ, 1961, 12.

сложных лингвистических объектов, восприняли, вместе с плодотворными математическими идеями, и философские заблуждения»¹⁴.

Разумеется, что языкознание, если оно действительно хочет понять свой объект, не может идти по такому пути. Языковед не может возводить в абсолют субъективную сторону исследования, считая, что он только систематизирует хаотичный сам по себе, неорганизованный поток речи. «Человеческие понятия, — указывал В. И. Ленин, — субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»¹⁵.

В языковой действительности дана объективно не только целостность языка, но и его расчлененность, т. е. даны объективно и единицы языка. То, что границы между ними не всегда одинаково четки (ср., например, соотношение русских фонем [t] : [t'] и [k] : [k']¹⁶) и получение инвентаря единиц требует определенных теоретических усилий, отнюдь не означает, что единицы языка являются только продуктом исследования и их разграничение субъективно, произвольно. Нужно различать (это тривиальное требование!) фонемы, морфемы, слова, конструкции в самом языке и соответствующие им, отражающие их неполно и упрощенно лингвистические понятия. Нужно не смешивать действительное множество единиц конкретного языка и фиксирующий его приближенно список, полученный исследователем, который сознательно идет на определенные допущения, отдавая себе отчет в несовершенстве избранной методики.

Вот почему нельзя не отнестись сочувственно к словам Р. Якобсона и М. Халле, содержащим отрицательную оценку подхода к фонеме как абстрактной, фиктивной единице языка: «Если это понимать лишь как утверждение о том, что любое научное понятие является конструктом, то такая философская сторона дела не может никоим образом влиять на фонологический анализ. В этом случае фонема является фикцией в той же мере, что и морфема, слово, предложение, язык и т. д. Если, однако, исследователь противопоставляет звуку фонему и ее компоненты как простое ухищрение, не имеющее обязательных соответствий в конкретном опыте, то при таком допущении анализ, несомненно, приведет к искаженным результатам»¹⁷.

Разумеется, что между единицами разных уровней языка имеются существенные различия в том, что касается их субстанциальных свойств, их воплощения. Ближе всего со звуковой материей связаны фонемы. Связь других единиц с материальной субстанцией оказывается, как правило, многократно опосредованной. Отсюда и большие возможности произвола в их выделении и разграничении, и больший простор для конвенционалистских ухищрений. Очевидно, необходим постоянный учет многочисленных переходов, опосредствований и т. п. в самой языковой действительности, чтобы не создалось впечатление об исчезновении реального содержания понятия единицы языка.

Распространение конвенционалистских взглядов в языкознании может объясняться также односторонним пониманием природы языка и предмета лингвистической науки. Так, оно обусловлено в определенной степени признанием в качестве единственного объекта лингвистики языковой системы (языка в узком смысле, слова, langue Ф. де Соссюра) и реляционистским пониманием природы языковых единиц. Языковая система не дана в непосредственном восприятии, не обладает собственной субстанциальной фор-

¹⁴ Г. П. Мельников, *Азбука математической логики*, М., 1967, стр. 96.

¹⁵ В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, 29, стр. 190.

¹⁶ См. об этом: Л. Р. Зиндер, *Общая фонетика*, [Л.], 1960, стр. 64—65.

¹⁷ Р. Якобсон, М. Халле, *Фонология и ее отношение к фонетике*, об. «Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 240.

мой бытия. Она постигается как инвариантное, общее, существенное в многообразной и изменчивой языковой действительности путем опосредствованного, логического познания. Как абстрактный предмет¹⁸ она в принципе не может быть подвергнута прямому эксперименту, ибо по существу мы экспериментируем не с фактами языковой системы, а с речевыми произведениями и психолингвистическими реакциями носителей языка.

Но утверждать на этом основании, что языковые единицы суть только концепты, а не объективно существующие явления, значит, игнорировать тот факт, что языковая система не есть единственный (пусть и важнейший) объект лингвистики, что ее подлинным объектом является вся языковая действительность в целом, т. е. язык в широком смысле слова, включающий в себя и речевые акты, и речевые произведения, и языковую способность, которым присуща та или иная субстанциальная данность. Единицы языка представляют собой соответственно не просто реляционные и дематериализованные элементы системы, а многоаспектные образования, воплощающиеся в каждом из указанных аспектов в определенную субстанцию.

Из этого не следует, что система языка не существует объективно, что она представляет собой лишь классификационную схему, накладываемую лингвистом на неупорядоченный речевой опыт. Такая точка зрения, являющаяся отражением физикалистских идей в языкознании, также ведет к конвенционализму: ведь общее, существенное объявляется в этом случае продуктом субъективной исследовательской деятельности. Языковая система как форма взаимосвязи и взаимодействия единиц существует независимо от субъекта-исследователя.

Кстати, следует заметить, что материальность не должна пониматься в узком, «житейском» смысле, т. е. как вещьность, предметность, непосредственная данность. По словам В. И. Ленина, «...единственное „свойство“ материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания»¹⁹.

Объективный характер языковой системы вытекает, между прочим, и из того обстоятельства, что она представляет собой взаимодействие объективно существующих единиц. Вряд ли можно утверждать, что единицы вторичны по отношению к системе, которую они составляют. Система языка в целом никогда не реализуется в отдельном речевом акте, она находит свое реальное существование только во всей совокупности речевых актов, во всем объеме созданных и создаваемых речевых произведений, во всем множестве индивидуальных речевых систем. Единицы языка, напротив, имеют более конкретное проявление. Так, для фиксации какой-либо отдельной единицы отнюдь не нужен весь речевой материал, а достаточно какой-то его фрагмент.

Тенденция к конвенционализму в определенной степени заложена также и в признании того факта, что в принципе возможны различные решения одной и той же лингвистической проблемы, одинаково претендующие на истинность²⁰. Но, по всей очевидности, такая возможность возникает в силу того, что исследуемый объект слишком сложен и многогранен, и лингвист сосредоточивает свое внимание лишь на одной или нескольких его сторонах, признавая их наиболее существенными. Истинные сами по себе, частные теории начинают, однако, противоречить друг другу и оказываться нередко несовместимыми, как только ставится задача

¹⁸ Д. П. Горский, Проблемы общей методологии наук и диалектической логики, М., 1966, стр. 43, 25.

¹⁹ В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, М., 1969, стр. 255.

²⁰ См.: Y u e n - R e n C h a o, The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems, «Readings in linguistics», New York, 1958.

построить на их основе более общую теорию. Вероятно, принцип неединственности (или множественности) лингвистических решений справедлив только по отношению к анализу отдельных сторон языковой действительности, но не для построения целостной научной картины.

Распространению конвенционалистской концепции способствует и то обстоятельство, что в современном языкознании возрос интерес к проблемам теоретического обоснования самой науки о языке, к вопросам построения лингвистической метатеории или метанауки. Это вполне естественная тенденция развития науки. Но если языковед замыкается только в рамках метатеории, то он неизбежно отрывается от эмпирической основы языкознания, поневоле становится конвенционалистом. Очевидно, что лингвистические понятия должны обладать двойкой соотносительностью: во-первых, с отражаемыми в них объектами и, во-вторых, с другими понятиями в рамках данной теории. Только при таком условии можно говорить об адекватности понятий.

Утверждению конвенционализма в известной мере способствует существование в современном языкознании огромного терминологического разнообразия, отсутствие единого, общепринятого метаязыка лингвистики и вытекающая отсюда необходимость волей-неволей принимать имеющееся положение вещей. Нередко оказывается возможным «перевод» с одного лингвистического «метадиалекта» на другой. Но выбор одной из терминологических систем не всегда, очевидно, означает выбор соответствующей теории. Иногда это вызывается лишь стремлением говорить на одном и том же метаязыке, не прибегая к переводу. В лучшем случае здесь можно видеть своеобразный терминологический конвенционализм, который не следует смешивать с конвенционализмом в собственном смысле слова как методологическим принципом.

Такова ситуация в современном языкознании. Наличие тенденции к принятию на вооружение конвенционалистской концепции ощущается в некоторых лингвистических направлениях и особенно в теоретических построениях имманентного структурализма, стремящегося к изучению системы языка в отрыве от способов ее манифестации. Эта тенденция опасна тем, что она ведет к значительному произволу в построении лингвистических моделей, способствует процветанию эквилибристического подхода и ослабляет внимание к непосредственному анализу языковой действительности, адекватное познание которой является высшей и единственной целью лингвистики. Не подлежит никакому сомнению, что преодоление тенденции к конвенционализму при трактовке реальности языковых единиц и языка в целом является одной из наиболее актуальных задач лингвистики на современном этапе ее развития.